Тамара Шабаренина

ПТИЦЫ С РУКИ

ПРЕЛЮДИЯ К ЖИЗНИ

Для того чтобы складывалась судьба юной мечтательницы, поезду надо было опоздать. Он и опоздал. На двое суток. Аварийный объезд аварийно аукнулся. В Красноярске абитуриенты художественного училища сдавали уже последний экзамен. Шлагбаум: сам Суриков глянул с портрета на опоздавшую с печалью и верой: «Ещё встретимся!»

Вышла – чужой город. Куда, что? Городу нужны рабочие руки: – «На», – протянула. И они изведали «майны»-«виры» «Жилстроя»: тяжесть ведер, штукатурно-малярных метражей. Ничто не уломало: беличья кисть всё равно окуналась в туманы. Вечерняя художественная школа открывала секреты акварелей. В морозные воскресенья гремучий трамвай оставлял девушку с мольбертом на конечной. Дальше – парк, лес. Располагалась. Заманивала дворянство деревьев в этюды. Серебряные ветви клонились: холодно. Дышала на пальцы. Сердилась: не слушаются! А позже продроглые часы лесных свиданий называла счастьем!

ПЕРВОЕ РАДИО

Посол США в Казахстане Ричард Джонс во время пребывания в Уральске нарушил американскую точность рабочего графика: Евразийская галерея очаровала выставкой картин художницы Надежды Тихоновой. Напрасно организаторы мероприятий и встреч Ричарда Джонса выразительно поглядывали на часы, постукивали по циферблату. Американец внимал рассказу госпожи Тихоновой.

Искусство, возглавившее себя мощным монументом «Рабочий и колхозница», обеспечило в стране зелёную улицу «социалистическому реализму». Инакомыслие – под гусеницы тракторов... Выставочный Арбат размазал по лицу краски, слёзы, всю хрущёвскую оттепель.

Третий месяц выпускники Красноярского художественного переносили «технические достижения советского народа» на полигоны холстов. Почти всех поголовно занесло в гагаринский космос. Над ученицей из Казахстанской глубинки всё ещё довлело радиочудо: «Говорит Москва!» Чёрная тарелка на столбе потрясла не мир, но село Субботинку – точно!

Детская память воскрешала на холсте степные пустоты, окна домов, вдовьи глаза: не выдаст ли говорящая тарелка весточку о сгинувших солдатах? Клочки зелени у дороги сильно сомневались... Подошёл учитель, взмахнул кистью: суровое полотно оживили две ёлочки.

– Но это же неправда! – автор сюжета дописывала картину хлёстким мазком. Не дописала: грубые руки колхозниц потребовали другого исполнения – здесь они заглавны! В воздухе дрожало другое полотно, другие краски...

Учитель, для которого успех Надежды – и его учительский балл, – схватился за голову: начисто облысевший холст! Защита на носу. Беды не поправить.

Но если душа не покидает мастерскую и в трамвае, если задумка занавешивает окна, переходы улиц – возможно всё!.. Утро выходного дня, тряский вагон, лаз в заборе, добрый сторож. У господа Бога для сотворения мира было семь дней. У красноярской ослушницы – день и ещё один день. Техника письма мастихином напоминала лепку: в ход шли и подушечки пальцев.

Втирались тугие масла, трудно рождались земля – небо в скрепе ширящихся радиоволн. Иссякало – возвращалось вдохновение, вело черноробочее «надо».

Лицо учителя вытянулось по диагонали, когда его отчаянная ученица выставила холст. «Радиосубботинка» покорила столичных экзаменаторов: не остались без внимания и руки крестьянок. Счастливая дипломница прятала свои: амплитуду их усталости мог измерить только радиозонд. За окном откликнулось радиовещание: – «Говорит Москва!». Москва говорила об американских империалистах.

Кто бы знал бы, что именно эту картину облюбует заморский гость: увезёт в свои штаты.

ЦВЕТНОЙ ДОЖДЬ ПОД СЕРОЙ КРЫШЕЙ

В художественном салоне картины занавешивало мельтешение светотеней: так бывает, когда входишь в помещение с ослепляющей весенней улицы. Минута, другая: цветной дождь не исчезал. Знатоки подсказали: мозаика точек, коротких мазков – пуантилизм. По всей вероятности, такой приём придумали дети, чтобы возвращаться в детство, когда захочешь.

И это дерево, снятое художницей с мольберта, тоже из детства: таит проволглый свет времени. Изъеденная мириадами жучков кора, кажется, осыплется, если провести ладонью. Глаза – отовсюду: будто кто-то унёс их отраду, и вот – нездешний холодок застилает тёмные их зрачки. Может, разноцветные тире-точки ждут отзыва из потёмок людских душ? Тихонова одну материю переливает в другую: просвечивает один сюжет через другой. Лесные ветви – распущенные косы Ярославн. За лесом – купола соборов, да нет: шлемы воинов. Остов. Названия картин вырастают из глагольных форм: «Устремлённость», «Прикосновение», «Пробуждение». Как можно передать посредством красок действие? Тихонова передаёт, располагает к воображению. Без него, без воображения, не бывает ни поэтов, ни философов. Без него нельзя быть умным человеком и просто человеком. – Послушайте, если кто-то рисует цветные дожди, значит, это кому-нибудь нужно?

ПТИЦЫ С РУКИ

В Москве на выставке академии художеств было что посмотреть, было перед чем снять шляпу. Шляпа «проснималась» до полудня. Ариаднова нить ковровой дорожки вывела провинциальную учительницу живописи к столику с буклетами. Натюрморт с часами глянул хитро: родные мазки пуан... Да это же Оксана Винарчук! Её красноярская ученица! Тут же и созвонились.

Оксану увлекла театральная живопись в Академии художеств. Преуспела: престижные выставки, наградные дипломы. Язык кисти довёл до Парижа! Блистают одетые ею известные театры Москвы. Премия правительства, «Ника» – всё при ней! В Уральск уехал памятный буклетик: автограф: «Моей дорогой первой учительнице с благодарностью за всё, что умею. Спасибо!!! Оксана».

Вот она, птица с ладони – столичная дива! Не единственная: об учениках Тихоновой – добрая слава. Но она по ту сторону её картин.

ВИЗИТКА ЛИСТОПАДА

Первоклашки художественной школы – серьёзные люди. С первого урока – рисунок: «Здрасьте, это я!». Все – Айвазовские. Все – Леонардо! Стопы заяв. И как бы ни складывались их судьбы, как бы ни расходились безмольбертно, художник Тихонова считает, что и на другой стезе её ученики – лицом к солнцу! Нет-нет – да звонок: «Здрасьте, это я!»

Вот и Нурлан Акджигитов лет через восемь:

– Надежда Ефимовна, вы меня помните?

– А как же? Его «визитку» весь класс признал самой яркой: через всю страницу – осень! Оранжевые, красные, жёлтые пятна листьев... А копия Врубеля? Врубель труден. Не каждый рискнёт. Третьеклассник «художки» взялся: юношеский пыл. «Пан» – хозяин природы – проступил под его кистью как настоящий: броский лик, острый взор, холодок по коже – рожки! – Неправда правде помогает! – определилось. Пообещалось: «Когда-нибудь с клюшечкой, но прихромаю на твою персональную выставку!» Ещё бы: ученику Тихоновой были вручены за талант именные часы президента. Нурлану было чем погордиться! Но однажды вгляделся: за их инкрустированным стеклом – время учёбы в Институте Искусств, время ювелирного дела, время метаний: тут не то, там не это. Но он прошёл тихоновскую школу и значит, лицом – к солнцу! Светило кинуло луч к салону «Мария». Не напрасно: в модельную одежду дизайнер привнёс своё – эхо степей. Персональная коллекция – на ближнем горизонте: в самый раз разделить радость с той, которая учила его изяществу линий, предрекла успех.

...Она придёт на торжество и, ладно уж, возьмёт клюшечку, раз обещала. И букетик оранжевых листьев: напомнить давнему ученику о его первой визитке.

СИЛЫ СВЕТА

Однажды к директрисе художественной школы пришла женщина с горькими глазами:

– Дочка рисует...

– Добро пожаловать!

– Мы в инвалидной коляске...

Мало ли у чиновницы забот о своём детище? Манна на школу не сыпалась. Хотя могла б: уральскую выучку стали узнавать далече. Короткий диалог спутал рабочий график. Черно-белая графика жизни явила ангела, прикованного к скале кресла. Что цепи Прометея? Гостья опустилась едва не мимо стула.

Не один год раз в неделю Тихонова будет приходить к этой девочке. И девочка научится подчинять себе кисть, краски, мысль. Ничто не отменит еженедельный

приход учителя. Даже потоп: девяностые цеплялись за рыночные лотки, копеечные зарплаты. Но каждый вторник Леночка Токарчук купалась в общении со своим педагогом...

«Силы света подняли меня из такого провала,
Чтобы я не таила и дня. Чтобы я отдавала».

Вышло из сердца Слово, возвело в «силы света» духовную крёстную. Это она ударила в колокола, и Уральск, не испытывавший недостатка в «силах света», откликнулся набату. Как же светло было на презентации первого сборника стихов Елены Токарчук! За плечиками выпускницы художественной школы плыли паруса картин её персональной выставки. Что можно было пожелать той, которая лишена и счастья сказочной русалочки ходить на кинжалах? Телевизионщики назвали её жизнь подвигом. Какой подвиг? Клонилась как сломленная ромашка, головушка виновницы торжества, то и дело вспархивали мамины руки. И всё-таки – подвиг!

Я верю в час таких чудес,
Когда смогу расправить крылья
Под синим куполом небес!

Необычайной красоты и силы дух терзал и мучил слабое тельце, в котором жил. Литературный институт – экстерном! Книга за книгой, расправлялись крылья. С нового места жительства рвались в Уральск. С оказией долетали из Ульяновска беленькие пёрышки посланий: без обратного адреса вопрошали об ответах. Последняя книга – также на «перекладных» – приземлилась с автографом: «Учителю, близкой подруге Надежде Ефимовне Тихоновой в дар». Подарок открылся на странице, где осень, почти снег:

Желтеет равнодушный душный город:
Здесь, может, заблудился кто-нибудь?
Дождитесь, я приду к вам очень скоро!

Кому на помощь хотела прийти Лена? В окне её уральской наставницы тенькнула падающая звезда. В Ульяновске открылся музей Елены Токарчук.

ПОДАРОК ГОСПОДИНА КЛАУДИО СЕККИ

Финансистом экологической галереи в фойе театра Островского выступил руководитель компании «ИГС – Сичим». И только потому, что увидел буклет Тихоновой... Таковой в рамках празднования Дня города не значилось. Выставка возникла стихийно: кто платит, тот и заказывает музыку. Господин Клаудио Секки и его супруга оказались неравнодушными к искусству. Встреча осталась записью в тетради отзывов на языке итальянца: картины госпожи Тихоновой достойны лучших галерей мира!..

«Река Урал цвета вольного» – так назвала эту экспозицию картин Надежда Тихонова. А показала, как не вольна река: рвут крючья, душат браконьерские сети. Неужели и правда наступила на человеческое сердце глухота? Тихонова не верит во всеобщую глухоту. Как иллюстрация к печальным сюжетам жизни пришли на выставку сорванцы из «вечерки». Дневные школы взвыли от этих деток: отказались. Первым делом им захотелось потрогать картины, проверить, надёжно ли висят? Классный руководитель смутилась. Но – негромкая речь художника – и шум стих. Стало слышно, как бьются волны Урала даже на «Иссохшем русле».

Кто сказал, что эти девочки-мальчики не могут ничего воспринимать как нормальные люди? Глаза переживших то, что иному взрослому и не померещится, сострадали распятой природе. Бежит, торопится синяя вода, смотрит из глубин. «Да разве бывают глаза у реки?». И ответный шепоток: «Бывают».

Большинство тихоновских картин – покой красок, света. Иносказание. Мальчишке по имени Стасик никогда не снятся красивые сны... А что же ему снится? Да так, кошмары всякие... Кто знает, может быть, сегодня Стасику приснится Урал, и будет он цвета вольного!

ПО ГРУНТУ ВРЕМЕНИ

Так вышло: я познакомилась с картинами Тихоновой в Выставочном зале. С автором – позже. Как выяснилось, у обеих в дым выкипают борщи, плавятся чайники – два сапога пара – сдружились. Проспект проносил нас мимо редакции, если шли в редакцию; мимо художественной школы, если шли в школу; мимо благ, если таковые светили. Особи нашего склада житейски умнеют лет в сто. Я теряла квартиру, подругу разводили в благотворительном отжиме картин. Мы носились с изданием книги «Стихи и живопись». Полиграф как Полифен – выдал ослепляющий счёт в полмиллиона! С новоявленным словом «спонсор» столкнулись вживе... Переговорный стол накрыло колодой снимков, слайдов, часовым толкованием о пятом измерении. Разъехавшиеся глаза спонсора встали на место только после выдвинутого условия вернуть деньги по реализации товара. Возникла бухгалтерия и – по рукам!

Мы защитили коммерческий проект! До ночи высчитывали прибыль. Нам снился общий сон со многими нулями: их воздушными шариками моя компаньонка оплачивала дочкину учёбу, я – останавливала отъезжающую крышу дома.

Здравое утро посмеялось над нами: какие стихи, живопись? Кому нужны? Город как брошенная овчарка ловит кости от «Международного Красного Креста...», прочих фондов с крючочками оранжевых революций.

На моей улице – иллюстрация выживания: тут-там гирлянды свисающих проводов. Их срезают. Они появляются вновь: голь на выдумку хитра. Какая уж хитрость? В открытую идёт бой: обесточенная общага руками бабёнки в застиранном халате тянет стальную нить на себя. Электрик – на себя! В остервенелых глазах – убийственные вольты! Халатик точно: умрёт – не отступит! Порезанные ладони просыпали искорки: кровь! Замкнуло правый гнев электрика: скинул с локтя железный мот: – Чёрт с тобой!

А с ней не чёрт: четыре маленьких чумазеньких чертёнка! И где-то в недрах облезлых стен – холодные электроплиты неплательщиков.

...Думаю, к радости спонсора, мы не пришли получать полмиллиона. Грунтовка времени не соответствовала дорогим атласным страницам.

Семнадцатая персональная Выставка–2014 художника Тихоновой удивила уральскую богему: двадцатипятилетняя исповедь перед всеми и ни перед кем. Крылья – через все полотна! Птицы печали, птицы любви, птицы Надежды летят, куда хотят. У них – своя жизнь.